

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА ОРЕНБУРЖЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В современной исторической науке происходит утверждение антропологического подхода, при котором в центре исследования находится человек. Французский ученый А. Бюргьер называл следующие «принципиальные направления» исторической антропологии: а) материальная и биологическая антропология, касающаяся истории тела, восприятия жизни и смерти, сексуальных отношений и т. д.; б) экономическая антропология, изучающая, «экономические привычки», формируемые часто под воздействием факторов неэкономического порядка: социальных, моральных, религиозных; в) социальная антропология, в центре внимания которой – семейные и родственные структуры; г) культурная и политическая антропология – изучение народных верований и обрядов, с одной стороны, и антропологический подход к истории власти – с другой¹. По мнению М.М. Крома «...суть тех современных подходов к изучению политической истории, которые весьма условно могут быть названы “политической антропологией”, ...состоит в изучении феномена власти в определенном социокультурном контексте. Это предполагает пристальное внимание к культурным механизмам функционирования власти, к представлениям о ней в обществе, к формам ее репрезентации»².

Вслед за антропологами историки интересуются теперь будничными, повседневными процессами в сфере управления; преимущество отдается микроанализу, изучению взаимодействия небольших групп и отдельных лиц в политике. Подход к «человеческому измерению власти» предполагает анализ российской власти с точки зрения социокультурных характеристик ее представителей – чиновников. К данным характеристикам можно отнести анализ полученного образования, родовые и семейные связи, движимое и недвижимое имущество, военный и управленческий опыт, награды, репутацию чиновничества, их связи в столице и т. п. Анализ социокультурного облика служащих позволяет понять потенциальную способность управленческого аппарата осуществлять свою деятельность, а также сущность кадровой политики государства в тот или иной период. Решение данных проблем поможет раскрыть сущность российской бюрократии вообще, выделить основные этапы ее становления, главные черты, характерные для каждого этапа, определить специфику регионального чиновничества.

Историками уже накоплен определенный материал в исследовании проблемы, определены основные характеристики российской бюрократии и тенденции ее развития. Так, большинство дореволюционных авторов отмечали, что среди российского чиновничества было крайне слабо

распространено профессиональное образование, особенно в местном управлении. Чиновники имели преимущественно военное образование, поскольку правительство считало, что военная служба является подготовительной школой для гражданской службы. Гражданская служба оценивалась как награда за военные заслуги³. Среди других особенностей российской бюрократии историки выделяли «рутинность и безжизненный формализм», «оторванность от общества, непонимание общественных нужд, безразличное отношение к общественным интересам, отсутствие чувства законности, неуважение к человеческой личности, закону, взяточничество, грубость».

В современной историографии ученые серьезно продвинулись в изучении социокультурного облика чиновничества, особенно высшего губернского руководства. Так, Л.М. Лысенко, используя социокультурный подход в изучении состава губернаторского корпуса за все время его существования, пришла к выводу, что губернаторы, являлись собой прогрессивную силу, положительные тенденции которой подкреплялись ростом профессионализма, образовательного уровня, правовой культуры⁴. С.В. Любичанковский, проанализировав принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края в 1781–1881 гг., пришел к выводу, что правительство стремилось определять в край проверенные кадры, знакомые со спецификой его управления. Малая продолжительность службы (2–5 лет) компенсировалась большим жизненным опытом назначаемых. На должности генерал-губернатора и военного губернатора назначались военные чиновники. Уходили с этих должностей не обратно в вооруженные силы, а на аналогичные должности в центральной России или на службу в высшие государственные учреждения⁵. Социокультурный анализ вице-губернаторского корпуса Урала за период 1895–1915 гг., сделанный С.В. Любичанковским, показал, что к подбору кадров в этом регионе власть применяла единые критерии. Типичный вице-губернатор Урала представлял собой православного женатого мужчину в возрасте до 50 лет с высшим гражданским либо военным образованием. В момент назначения он был коллежским или статским советником, успел поработать в учреждениях, не относящихся к ведомству МВД, опытом работы вице-губернатором в других губерниях не обладал и покидал свою должность в течение 2–5 лет⁶. А.Н. Бикташева исследовала специфику административной культуры Российской империи на основе анализа казанского губернаторства первой половины XIX в.⁷ Автор пришла к выводу, эффективность института региональной власти зависела не только от системообразующего, но и от личностного фактора. Она рассмотрела личности и действия губернаторов.

Нами была предпринята попытка проанализировать формулярные списки оренбургских гражданских губернаторов для характеристики социокультурного облика высшего руководства губернии. В фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Оренбургской области, Центральном государственном архиве Республики

Башкортостан были обнаружены формулярные списки 11 из 18 гражданских оренбургских губернаторов первой половины XIX в. По трем губернаторам существуют опубликованные биографические сведения. Не удалось обнаружить формулярные списки и биографические сведения четырех гражданских губернаторов: И.М. Баратаева (1797–1800), К. Глазенапа (1800–1802), М.Ф. Веригина (1809–1811) и М.А. Наврозова (1811–1822). Все они находились во главе Оренбургской губернии в конце XVIII – начале XIX в. В это время отлаженной системы учета чиновников еще не сложилось, хотя формулярные списки и существовали в России с 60-х гг. XVIII в.

Важнейшими критериями социальной характеристики гражданских губернаторов являются: социальное происхождение, уровень образования и имущественное положение. Все гражданские губернаторы были потомственными дворянами. Из 18 оренбургских гражданских губернаторов первой половины XIX в. 9 имели чин действительного статского советника, 5 – тайного советника.

Министерство внутренних дел, в чьем подчинении находились губернаторы, уделяло особое внимание назначению глав местной администрации. С начала XIX в. сложился следующий порядок: кандидатуры подбирались министром, специальные службы ведомства составляли представления на каждого претендента. Затем министр входил с докладом к императору и по результатам их беседы издавался именной указ о назначении, который затем вносился на утверждение в Сенат⁸. При МВД существовал список кандидатов на вакантные должности вице-губернаторов и губернаторов. Желающих получить эту должность было достаточно. Дослужившись до чина коллежского или статского советника, чиновники по их желанию причислялись к МВД, а затем, в зависимости от их профессионализма, деловых и личных качеств, могли быть назначены вице-губернаторами или губернаторами. Каждый кандидат на должность губернатора должен был соответствовать целому набору требований. Как свидетельствуют новейшие исследования, почти все назначенные вице-губернаторами и губернаторами имели поддержку в столице, но это не освобождало их от проверок Сената, Комитета министров⁹. Поэтому в конечном итоге все определялось деловыми качествами чиновника.

Данное правило целиком и полностью относилось к оренбургским гражданским губернаторам. Для многих из них должность вице-губернатора стала своеобразной проверкой их деловых и личных качеств. Так, например, губернатор И.О. Курис, после увольнения с военной службы в 1799 г., гражданскую службу начал в должности новгородского вице-губернатора; тайный советник Н.В. Балкашин – саратовского вице-губернатора в 1845 г. В должности вице-губернатора чиновники, как правило, находились год-два, затем, если они проявили деловые и личные качества, происходило их назначение губернаторами.

Правительство практиковало частый перевод губернаторов из одной губернии в другую. Так, до двух лет занимали свою должность

5 Оренбургских гражданских губернаторов (28 %); от 3 до 5 лет – 9 губернаторов (50 %) и только 4 губернатора исполняли свои обязанности более 5 лет. Можно сравнить данные цифры с общероссийскими сведениями. По подсчетам П.А. Зайончковского, в Российской империи в первой половине XIX в. 50 % губернаторов находились в должности не более двух лет; 37,5 % губернаторов занимали должность свыше 5 лет¹⁰. По мнению ученого, быструю сменяемость губернаторов определяло то, что они в значительной массе являлись людьми малосведущими в вопросах управления. Однако, по нашему мнению, данное объяснение можно считать скорее исключением, чем правилом. Анализ формулярных списков оренбургских гражданских губернаторов свидетельствует, что основные причины увольнения следующие: перевод на службу в той же должности в другую губернию, в столицу, в центральные высшие государственные учреждения либо состояние здоровья. Видимо, в частых перемещениях гражданских губернаторов правящие круги видели средство предотвращения коррупции, должностных преступлений и способ усилить центральную власть.

Основная масса руководителей местной администрации находилась на пике деловой и физической активности, в самом работоспособном возрасте: до 36 лет – 2 чел.; от 36 до 40 – 3 чел.; от 41 до 45 – 6 чел.; от 46 до 50 – 1 чел.; от 51 до 55 – 1 чел.; от 56 до 66 – 1 чел. (возраст не указан у 4 чел.).

По имущественному положению 9 гражданских губернаторов (50 %) являлись помещиками. Один имел дом в Уфе, у одного губернатора собственности не имелось, у 8 – сведения отсутствуют.

Среди 18 оренбургских гражданских губернаторов 7 человек (33 %) были оставшими военными, 3 (16 %) имели университетское образование (окончили Московский и Харьковский университеты), 2 (11 %) окончили Санкт-Петербургское императорское училище правоведения, 1 – Московское учебное заведение для колонновожатых (Училище колонновожатых), у 4 сведения отсутствуют. В Оренбуржье, как и в целом по России, основным источником формирования губернаторского корпуса являлось высшее офицерство. Военная служба была фактически единственной школой управления в империи. В начале XIX в. Россия испытывала недостаток в высших и специальных учебных заведениях, выпускники которых могли бы претендовать на занятие крупных чиновничьих должностей. По справедливому наблюдению П.А. Зайончковского «половина губернаторов являлись генералами, вторая – чиновниками, либо служившими ранее в Министерстве внутренних дел, либо бывшими представителями губернской администрации: вице-губернаторы, председатели казенных или других губернских палат»¹¹. Ситуация стала медленно меняться после учреждения и становления университетской системы образования, а также с открытием специальных учебных заведений, в частности, Петербургского императорского училища правоведения (1835 г.) и курсов «приготовления к службе» при МВД. Профессионализация же административной деятельности произойдет лишь

во второй половине XIX в., когда образование и опыт администрирования начнут превалировать над происхождением и чином.

Таким образом, анализ социальных характеристик корпуса гражданских губернаторов Оренбургской губернии первой половины XIX в. позволяет рассмотреть феномен российской власти с точки зрения ее «человеческой составляющей». Основные тенденции развития общероссийской бюрократии прослеживаются и на региональном уровне. Гражданские губернаторы являлись чиновниками III–IV классов, были потомственными дворянами, помещиками. Основная масса губернаторов находилась в самом дееспособном возрасте – от 36 до 46 лет, были отставными военными либо бывшими представителями губернской администрации, не имели профессионального образования. Указанные тенденции будут оставаться доминирующими практически весь XIX в.

Примечания:

¹ Кром М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000.

² Там же.

³ Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 15.

⁴ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001.

⁵ Любичанковский С.В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881) // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX веков: К 260-летию учреждения Оренбургской губернии и 70-летию образования Оренбургской области. Оренбург, 2004. С. 33–45; Он же. Социокультурный облик «главных начальников» Оренбургского края (1781–1881) // Личность и массы в историческом процессе: Мат-лы межрегион. науч. конф. Уфа, 2004. С. 112–114; Он же. Социокультурный облик оренбургских гражданских губернаторов (1881–1917) как показатель государственной кадровой политики // Оренбургский край в системе евразийских губерний и областей России: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Оренбург, 2004. С. 111–114. Он же. Вице-губернаторский корпус Урала в конце XIX – начале XX в. (социокультурная характеристика) // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 41. С. 193–206; Иванов В. Социальный облик местного чиновничества России в середине XIX в. // Федерализм. 2009. № 1. С. 79–93.

⁶ Любичанковский С. В. Вице-губернаторский корпус... С. 205–206.

⁷ Бикташева А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX в.: антропология власти. Дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2011.

⁸ Бикташева А.Н. Механизм назначения губернаторов в первой половине XIX в. // Отечественная история. 2006. № 6. С. 33.

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 153.

¹¹ Там же.